

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ПСИХЕЯ

Ганс Андерсен

Психея

«Public Domain»

1861

Андерсен Г. Х.

Психея / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1861

«На заре, в румянном утреннем небе горит крупная, яркая звезда. Луч её дрожит на белой стене, словно хочет начертить на ней рассказы о всём, виденном ею там и сям на нашей вращающейся земле...»

© Андерсен Г. Х., 1861

© Public Domain, 1861

Ганс Христиан Андерсен

Психея

На заре, в румянном утреннем небе горит крупная, яркая звезда. Луч её дрожит на белой стене, словно хочет начертить на ней рассказы о всём, виденном ею там и сям на нашей вращающейся земле.

Послушай же один из её рассказов!

– Недавно (недавнее для звезды для нас людей означает событие, совершившееся несколько столетий тому назад), лучи мои следили за одним молодым художником; жил он в папской столице, во всемирном городе Риме. Много изменилось там с течением времени, хотя такие перемены и совершаются далеко не так быстро, как человек становится из ребёнка стариком. Императорский дворец и тогда уже был в развалинах; между поверженными во прах мраморными колоннами и над расписанными золотом стенами полуразрушенных терм возвышались фиговые и лавровые деревья. Колизей тоже представлял одни руины. Но церковные колокола звонили; ладан курился; по улицам проходили процессии со свечами и сияющими балдахинами. Рим был городом церковной пышности; но здесь также процветало и высоко почиталось искусство. В Риме жили величайший художник мира Рафаэль и величайший ваятель средних веков Микель Анджело. Сам папа отдавал честь обоим, удостоивал их своими посещениями. Искусство признавали, чтили и награждали. Но, конечно, не всё достойное замечалось и удостоивалось награды.

В маленькой, узенькой улице стоял старый дом, бывший некогда храмом. В доме этом жил молодой ваятель, бедный, безызвестный. Но у него, конечно, были друзья, тоже молодые художники, юные душою, богатые надеждами и мыслями. Они говорили ему, что у него большой талант, и что он просто глуп, если сам этому никак поверить не может. А он и в самом деле постоянно разбивал вдребезги созданное им накануне, никогда не бывал доволен своею работою и не доводил её до конца, а это необходимо: иначе кто же её увидит, признает и заплатит за неё деньги?

– Ты мечтатель! – говорили ему друзья. – И в этом твоё несчастье! Происходит же всё это оттого, что ты ещё не жил, как надо, не вкусил жизни, не пил жадными глотками жизненного нектара. А, ведь, в молодости-то именно и надо слиться с жизнью воедино! Вот тебе пример – величайший художник мира Рафаэль; его чтит сам папа, ему дивится весь свет, а он и ест и пьёт, как все, ни от чего не отказывается!

– Даже от самой булочки, прекрасной Форнарины! – сказал Анджело, один из первых весельчаков молодой компании.

И многое ещё чего наговорили они! Они говорили, что подсказывали им их молодость, разум и желание увлечь молодого художника в круговорот веселья, шалостей – пожалуй, даже сумасбродств. Временами и он сам был не прочь от этого: кровь в нём была горячая, душа пылкая, и он мог участвовать в весёлых беседах, смеяться от души, не хуже других! И всё-таки так называемая «весёлая жизнь Рафаэля» казалась ему каким-то чадом, туманом в сравнении с божественным блеском, которым сияли картины великого мастера. А как волновалась его грудь, когда он стоял в Ватикане перед образами нетленной красоты, изваянными из мрамора художниками древних времён! Какой ощущал он тогда подъём духа, какую силу, какой священный огонь жёг его сердце! В нём загоралось желание создать из мрамора подобные же образы. Он хотел воплотить в мраморе то чувство, которое стремилось из глубины его души вознестись к Вечному и Бесконечному. Но как воссоздать его, в каком образе? Мягкая глина послушно принимала под его пальцами прекрасные формы, но на другой день он, как и всегда, уничтожал созданное им накануне.

Однажды он проходил мимо одного из многочисленных роскошных римских палаццо, остановился перед большими открытыми воротами и увидел внутри двора, за расписанными аркадами, садик, полный душистых роз. Сочные, зелёные листья змеиной травы купались в мраморном бассейне, наполненном прозрачною водой. Тут же перед ним промелькнуло видение – молодая девушка, дочь хозяина дома. Как она была нежна, воздушна, прелестна! Никогда в жизни не видывал он такой женщины! Ах, нет, видел в одном из римских палаццо на картине Рафаэля, в образе Психеи. Там она была написана красками, здесь явилась ему живая.

Она ярко запечатлелась в его сердце и мыслях; вернувшись в свою бедную мастерскую, он принялся лепить из глины Психею – знатную молодую римлянку, и впервые остался доволен своею работою. Она имела в его глазах значение, – это было, ведь, её изображение!

Друзья, увидав статую, громко возликовали: в этой работе художественный талант его выразился необычайно ярко; до сих пор его признавали только одни они, теперь его признает весь свет!

Глина прекрасно передаёт жизненность тела, но не обладает белизной и прочностью мрамора; Психея должна была ожить в мраморе, и у художника даже имелся этот драгоценный материал: во дворе с давних лет лежала мраморная глыба, принадлежавшая ещё его родителям. На ней валялся разный мусор, осколки стекла, обрезки овощей; всё это грязнило, пачкало её снаружи, но внутри мрамор сиял снежною белизною; из него-то и должна была восстать Психея.

В один прекрасный день – звезда об этом ничего не рассказывает, – она не видала этого, но мы-то знаем, что оно было так – узенькую, бедную улицу посетило знатное общество; посетители оставили карету неподалёку от дома и пешком прошли к жилищу художника. Явились они посмотреть на его работу, о которой случайно слышали. Кто же такие они были? Бедный юноша! Или лучше: слишком счастливый юноша! В его студии стояла она, сама молодая красавица! И как улыбнулась она, когда отец её сказал: «Да, ведь, это ты, живая!» Эту улыбку нельзя было передать, этого взора удивления нельзя было изобразить! Он поднимал, облагораживал и – повергал во прах!

– Психею нужно изваять из мрамора! – сказал знатный посетитель. И слова эти вызвали к жизни мёртвую глину и тяжёлую мраморную глыбу, равно как и самого взволнованного художника. – Когда работа будет окончена, я покупаю её! – прибавил знатный римлянин.

Словно новая эра настала в бедной мастерской; в ней закипели жизнь, веселье, работа. Сияющая утренняя звезда созерцала, как работа подвигалась вперёд. Самая глина, казалось, ожила, с тех пор, как побывала здесь *она*, и послушно принимала под рукою художника желаемые формы, передавала знакомые черты. Скоро они засияли высшею, совершеннейшею красотою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.